

Едва эти слова слетели с его языка, он понял, что дружба, которую он с таким трудом выстроил с наследниками Цзиньчжоу, теперь на грани. Ведь во всём мире, кроме его отца и его непреклонного возлюбленного, никто не осмелился бы так отчитывать Цзян Чэна, не боясь мести. Ду Хань слышал историю о том, как Гу Шэн однажды выгнал Цзян Чэна со словами «убирайся» и захлопнул дверь перед его носом. Цзян Чэн тогда выстрелил в дверной замок, а не в голову Гу Шэна — это было доказательство искренности его чувств.

Ду Хань ждал, но вместо того, чтобы схватить его за воротник и пригрозить смертью, Цзян Чэн не двинулся. Он приоткрыл веки и взглянул на мужчину напротив.

Этот взгляд заставил Ду Ханя напрячься, выпрямиться и широко раскрыть глаза.

Цзян Чэн стоял, прислонившись к стеклянному шкафу с западными лекарствами в его кабинете. Пальто он сбросил ещё утром, две верхние пуговицы воротника расстёгнуты, ладонь прикрывала глазницу, голова была слегка опущена. Свет лампы дневного света отбрасывал тень на его лицо, скрывая выражение.

Ду Хань никогда не видел его таким. Вдруг он почувствовал, как старый уксус, застрявший у него в горле, поднялся обратно. Он поспешно схватил чашку с чаем и сделал несколько больших глотков, чтобы успокоиться.

На самом деле его предчувствие не обмануло: Цзян Чэн, едва услышав эти слова, собирался закатать рукава и прикончить его. Рука уже была на полпути, но он вдруг резко развернулся, подумал, что всё же должен ударить, и, словно загнанный зверь, сделал два круга по небольшому кабинету, в раздражении дёргая пуговицы на воротнике рубашки. Наконец, он, словно выдохшись, прислонился к холодному стеклянному шкафу.

— Я действительно люблю его. — сказал Цзян Чэн.

Ду Хань, подняв чашку, закашлялся.

— Правда. — Взгляд Цзян Чэна скользнул в сторону коридора, но казалось, что он упал в воспоминания давних времён, и в нём вспыхнула незнакомая нежность. — Я увидел его, когда он, улыбаясь, здоровался с постоянными клиентами, стоя в стороне, сложив руки в рукава, ожидая своего выхода. Он был таким невозмутимым и спокойным, словно весь шум и гам вокруг него рассеялись. И я подумал: как удивительно, как он может быть таким чистым?

— Никто не может быть чистым в этом мире. Никто — не может невозмутимо делать то, что хочет, все вынуждены подчиняться обстоятельствам. Но есть тот, кто смог. Он стоял там, в самом центре десятилетия шумного Цзиньчжоу... Ты знаешь, какие люди больше всего привлекают? Такие, как он. Пройти сквозь мириады цветов, не задев ни одного лепестка. Он улыбнулся мне издали — и мой мозг словно пронзило током, осталась только одна мысль: я должен заполучить этого человека.

Ду Хань слушал с полным недоумением, держа чашку в руке и не зная, куда её поставить, чувствуя, что Цзян Чэн сошёл с ума.

Что за слова? Как это возможно?

Разве такое бывает?

— Ну... тогда ты должен сдерживать силу, — Ду Хань подумал, что таким подходом только сделаешь из человека врага, и, подбирая слова, попытался уговорить этого господина:

— Слушай, актёры из Лиюаня не могут сравниться с силой, которую ты натренировал в армии. Посмотри на этого господина, у него тонкие руки и ноги, как он выдержит твои выходы...

Он не успел закончить, как, глядя на лицо Цзян Чэна и не зная, внял ли тот его словам, услышал быстрые шаги. Медсестра распахнула дверь:

— Доктор Ду! Пациента уже перевели в палату 517.

Цзян Чэн бросился бежать. Ду Хань не успел его остановить, выругался «мерзавец», схватил халат со спинки стула и бросился вслед.

12.

Цзян Чэн на полминуты опередил Ду Ханя и ворвался к двери палаты 517. Когда Ду Хань поспешно добрался, то увидел, что тот стоит один у двери палаты.

Мужчина повернул голову и заглянул в стеклянное окошко на двери. Тот бледный, худощавый молодой человек всё ещё находился в полусознательном состоянии, его иссиня-чёрные короткие волосы резко контрастировали с белоснежной наволочкой, а покрывающее его одеяло образовывало лишь тонкий слой.

Приближающиеся сумерки отбрасывали косые лучи на узколиственное зелёное растение у изголовья кровати, рисуя полосатые тени на простыне, которые падали и на профиль мужчины за стеклянным окошком.

Контровой свет очертил профиль мужчины чёткими тёмными силуэтами. Не знаю, было ли это из-за того, что свет в больничном коридоре в тот миг был слишком призрачным, но Ду Хань вдруг разглядел в этом жестоком и избалованном мужчине глубоко запрятанную растерянность, некую невысказанную мрачность... и тревогу.

Гу Шэн пролежал в больнице целых три дня. Инфекцию в основном взяли под контроль, но температура скакала, и он редко приходил в сознание.

Ду Хань тоже почти не спал все эти три дня. Пока Гу Шэн не приходил в себя, он неотлучно дежурил рядом, а когда уже совсем выбивался из сил, дремал полчаса в дежурной комнате.

Хотя у него и было сердце, жаждущее спасти жизни, он не был тем, кто готов так надрываться. Единственной причиной, по которой он проявлял такую самоотверженность, «отдавая все силы до последнего вздоха, как заботливый родитель-врач», было то, что непобедимый молодой господин из семьи Цзян всё это время стоял рядом и приказал ему освободить комнату отдыха. Если бы не вмешательство Ду Ханя, который сказал, что там находятся пациенты с респираторными заболеваниями, Цзян Чэн притащил бы туда целую плиту и на месте готовил еду и питьё для своего дорогого.

В итоге получилось, что Цзян Чэн готовил дома, а потом приносил.

Ду Хань наблюдал за этим, поражённый, и говорил медсёстрам: «Молодой господин Цзян, похоже, всерьёз взялся... Эй, угостите меня хоть глотком супа?»

Цзян Чэн раздражённо бросал:

— Пошёл вон!

Затем хватал две коробки и большими шагами шёл в палату, оставляя Ду Ханя кричать ему вслед:

— Эй, эй! Ты должен дать мне посмотреть, что ты там варишь! А то пациент ослаблен, если съест что-то не то, что тогда?!

Цзян Чэн, словно боясь, что он подсыплет яду, приподнимал крышку, давал мельком взглянуть и быстро закрывал:

— Я знаю меру! Пошёл вон!

Ду Хань был в полном недоумении. Он, из последних сил держа глаза открытыми, провёл два дня с невероятно энергичным молодым господином Цзяном и от всей души хотел «пошёл вон», но, видя состояние Гу Шэна, просто не смел уйти. Стоило бы случиться какой-нибудь неприятности, и Цзян Чэн содрал бы с него кожу, обглодал кости и сварил из него суп.

Говорить, что Цзян Чэн всё время наблюдал, было не совсем точно. Кроме времени, когда он уходил домой готовить супы и каши, он часто подолгу сидел у палаты, безучастно глядя внутрь, погружённый в свои мысли. Вдруг снаружи вбегал посыльный, Цзян Чэн очнувшись, громко ругался, вскакивал и уходил, а через десяток минут возвращался, ругаясь.

Ду Хань видел эту сцену много раз и не мог не заинтересоваться, но не решался лезть на рожон к Цзян Чэну. Он выпросил его ординарца Сяо Ли и узнал, что в семье Цзян Чэна настаивают на свадьбе, и старый господин Цзян вот-вот отправит бомбардировщик, чтобы сравнять с землёй его больницу.

Ду Хань был озадачен:

— Молодой господин Цзян ничего не боится, это ведь не его больница, пусть бомбит, как хочет. Ой, хотя сначала бы зарплату мне выплатили.

Спустя пару секунд Ду Хань, словно озарённый, хлопнул себя по бедру и вскочил:

— погоди! Гу Шэн?! Ветер свободной любви его с ума свел?

Когда Ду Хань всё понял, он с ещё большим уважением наблюдал, как Цзян Чэн таскает две баночки, суетится с супом и лекарствами, переодевает и поит Гу Шэна, и даже его ругань и выходки стали восприниматься им по-новому.

На седьмой день в больнице, благодаря круглосуточному уходу Цзян Чэна и мобилизованного им медицинского персонала, Гу Шэн немного окреп и смог сам садиться и листать газеты и журналы.

Удар табуреткой Мэйсян был сильным, но для большинства людей этого бы не хватило, чтобы пролежать целую неделю. Возможно, это было связано с врождённой слабостью, плюс у него были старые травмы, оставшиеся с ранних лет выступлений с боями, которые усугубились беспорядочным обращением Цзян Чэна, и теперь он был настолько слаб, что едва мог жить. Ду Хань, глядя на показатели полного обследования Гу Шэна, только вздыхал: этот человек действительно держится только благодаря своей внешности, а внутри он просто развалина.

В этот день Ду Хань, как обычно, обходил палаты — палату Гу Шэна уже на второй день после операции Цзян Чэн перевёл в VIP-палату на восьмом этаже, по соседству с отставным чиновником уровня управления. Поскольку это была последняя палата, закончив с осмотром,

Ду Хань не спешил уходить. Он взял яблоко из фруктовой корзины у изголовья, начал чистить его и завязал разговор.

Сначала он мельком взглянул на газету «Цзиньбао», которую листал Гу Шэн. Там было опубликовано объявление о том, как милитарист из Гуаньнаня Шэнь Вэньчан совместно с крупным акционером Общества Юаньлу устраивает выступление «Пяти великих актёров Цзиньбэя». Мимоходом он сделал Гу Шэну комплимент:

— Я тоже слышал выступления директора Гу, они выдающиеся. Вы должны быть на первом месте.

Гу Шэн, слышавший подобные комплименты несчётное количество раз, вежливо улыбнулся и перевернул страницу.

Ду Хань не обратил на это внимания, поднял глаза и осмотрел его:

— Эй? Я с первого взгляда подумал, что директор Гу выглядит скорее интеллигентно и слабо, не похоже, что вы из Цзиньчжоу. Может, ваши предки были из Цзяннаня?

— Мы переезжали с места на место, бывали во многих местах, не помню, откуда родом. — Гу Шэн взглянул на него и равнодушно ответил, затем снова перевёл взгляд.

<http://bllate.org/book/16144/1445688>